

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАБАСТОВОК В СССР В КОНЦЕ 80-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XX в.

История свидетельствует, что одну и ту же проблему можно рассматривать с совершенно разных ракурсов, исходя из того, что у каждой эпохи свое видение происшедшего. Выход в свет осенью 2003 г. статьи Д.А.-Левчика «Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг.»¹ позволяет еще раз обратиться к этому вопросу с учетом опыта, накопленного за годы реформ.

В статье автор выделяет, прежде всего, противоречивость многих причинно-следственных факторов в стачечном движении шахтеров. В качестве первого противоречия отмечается то, что при кажущейся, и отмечавшейся все время советскими идеологами, «высокой солидарности и организованности рабочего класса», на самом деле, при изучении шахтерских стачек выявляется забастовочная активность лишь одной, меньшей части рабочих (менее 1 % от официального числа рабочих в СССР².

Главной социально-технологической причиной забастовок в литературе называют техническую отсталость и неэффективность угледобычи в СССР³. (Добавлю, и высокую смертность на производстве). Однако отмеченные факторы, указывает Д.А.Левчик, были характерны для большинства промышленных рабочих СССР и не могли стать основополагающими причинами для политических забастовок. Еще одно противоречие, по мнению автора статьи, заключается в отсутствии у масштабного и многочисленного выступления шахтеров общего лидера, который бы координировал действия горняков⁴.

Случайны ли названные противоречия? Автор, проанализировав требования рабочих, систематизировал их по таким разделам, как экономические, политические, социальные, управленческие. Меньше всего вопросов вызывали социальные и управленческие требования. Касаясь экономических требований, Д.А.Левчик обратил внимание на тот факт, что в ходе проведенных опросов, выяснилось: «бастующие, выступавшие за капиталистический рынок (реорганизацию государственных шахт в иные формы собственности и продажу продукции по рыночным ценам), реально его не представляли»⁵. 90 % опрошенных, в то же самое время, предпочитали коллективные формы собственности, в том числе переда-

чу шахт в собственность трудового коллектива. При этом только 2 % шахтеров были готовы вложить собственные средства в развитие предприятия. Остальные хотели работать в условиях капиталистической рыночной системы на коллективном предприятии и ничего не вкладывать в его развитие, предпочитая направлять деньги на расширение своей собственности: покупку квартиры, дачи, машины. Подавляющему числу шахтеров (2/3 опрошенных) было вообще безразлично, на каких (по форме собственности) предприятиях трудиться – «лишь бы зарплату платили»⁶. Из этого можно сделать следующий вывод: выдвигая экономические требования, бастующие туманно представляли их суть.

Примечательная ситуация складывалась с требованиями политического характера. Изо дня в день (с 1 апреля 1991 г.) политические требования горняков нарастали как снежный ком; постоянно добавлялись все новые и новые позиции. Шахтеры требовали отставки руководителей силовых ведомств, деполитизации КГБ и МВД, обеспечения строительства церквей, введения поста президента России, принятия закона об отзыве народных депутатов РСФСР, заключения союзного договора на условиях республик и много другого⁷. Знаменательно, что выполнение экономических требований шахтеров Правительством СССР не прекратило забастовки⁸. Продолжение забастовки автор объясняет воздействием радикальных московских политиков, активностью спецслужб (?), влиянием директорского корпуса – неформального владельца шахт, спецификой социально-психологического поведения во время забастовки⁹.

На мой взгляд, в статье Д.А.Левчика не хватает, по крайней мере, трех выводов. Первый, отражающий смысловую сторону самого факта возникновения забастовок, может быть сформулирован следующим образом: многочисленные забастовки шахтеров, выдвинувшие экономические требования, свидетельствуют о том, что попросту не работал механизм взаимодействия и мирных переговоров между рабочими и управленческими структурами. Выдвижение же требований политических в ходе масштабных акций протеста говорит о глубоких противоречиях внутри самой советской системы, в том числе, об отсутствии переговорного механизма в цепи рабочие – государство. Подобная закономерность характерна не только для конкретной забастовки.

Второй вывод связан с крушением одного из наиболее устойчивых мифов советской эпохи. Если вдуматься, кто принял решение начать в митингах, кто участвовал в них? Тот самый сплоченный рабочий класс,

который из десятилетия в десятилетие провозглашался гегемоном, авангардом, советского общества. Тот класс, которому якобы принадлежала власть в советском государстве, который был олицетворением самого государства. В рабоче-крестьянской стране бунтуют рабочие.... На что тогда ушло целых 70 лет? Зачем вообще тогда устраивать кровавую революцию с Гражданской войной?

Третий вывод касается исторической значимости протеста горняков в подобной форме. Забастовки горняков в 1989–1991 гг. были явлением уникальным, так как подобного рода акций не было в истории СССР (не беру в расчет волнения в Новочеркасске в 1962 г. – оно не может сравниваться по многим показателям с событиями 1989–1991 гг.). Демонстрации и несанкционированные митинги шахтеров в конце 80-х – начале 90-х гг. были предвестниками серьезных перемен, они явились мощным импульсом для начала «бархатной революции» в СССР. Резонанс от забастовки шахтеров отложился в исторической памяти общества, верхов и низов. Секрет ошеломительного успеха политической забастовки 20–21 августа 1991 г., на мой взгляд, во многом обусловлен тем эмоционально-психологическим следом, который остался в памяти советских людей после шахтерских забастовок. Главный урок рабочих выступлений 1989–1991 гг., представляется, заключается в том, что самые обоснованные и благородные цели и требования, будучи облачены в форму стачек и политических забастовок обретают потенциал стихийного и неуправляемого движения, ведут к разрушению государства. Долг государства – не допустить забастовок еще на стадии переговоров. Долг профсоюзных лидеров – помнить о последствиях шахтерских выступлений 1989–1991 гг.

Примечания

- 1 Левчик Д.А. Забастовочное движение шахтеров 1988–1991 гг. // Социологические исследования , 2003. № 10.
- 2 Там же. С.111–112.
- 3 Там же. С.112.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С.113–114.
- 6 Там же. С.114.
- 7 Там же. С.113.
- 8 Там же. С.114–115.
- 9 Там же. С.112–115.